

**Арташкина Тамара Андреевна**

доктор философских наук, доцент,  
профессор кафедры  
культурологии и искусствоведения  
Школы искусства, культуры и спорта,  
Дальневосточного федерального университета  
dom-hors@mail.ru

**РОЛЬ СУБЪЕКТОВ  
КУЛЬТУРНОЙ ПОЛИТИКИ  
В ФОРМИРОВАНИИ  
РОССИЙСКОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ**

**Аннотация:**

*В трансляции духовных ценностей должен участвовать не только институт образования, но и институты культуры. Однако в 1990-е гг. нарушился механизм такой трансляции. Эти обстоятельства обусловили необходимость анализа генезиса и динамики субъектов культурной политики в российском государстве. Противостояние двух культур – традиционной и заимствуемой, наблюдаемое на протяжении всей истории становления российского государства, детерминировали появление гибридной культурной идентичности. В работе устанавливаются ее компоненты, и осуществляется их анализ.*

**Ключевые слова:**

*культурная политика, модернизация культуры, субъекты культурной политики, культурная идентичность, российская цивилизация, гибридная идентичность, идентификационный кризис, межэтническое взаимодействие.*

**Artashkina Tamara Andreevna**

D.Phil. (Philosophy),  
Associate Professor of  
the Culture and Arts History Department,  
School of Culture, Arts and Sports,  
Far Eastern Federal University  
dom-hors@mail.ru

**ROLE OF CULTURAL  
POLICY'S SUBJECTS  
IN THE PROCESS OF RUSSIAN  
IDENTITY FORMATION**

**Summary:**

*Not only educational institutions should participate in translating spiritual values but also cultural institutions. However, this translation mechanism was broken in the 1990s. These circumstances determined the necessity to analyze genesis and dynamics of the cultural policy subjects in the state of Russia. Confrontation of traditional and borrowed cultures, being observed throughout the history of forming Russia as a nation, stipulated development of the hybrid cultural identity. The present paper defines and analyzes its components.*

**Keywords:**

*cultural policy, modernization of culture, subjects of cultural policy, cultural identity, Russian civilization, hybrid identity, identity crisis, interethnic interaction.*

Современная российская культура – это множество самобытных культур, находящихся в диалоге и во взаимодействии друг с другом. Такое межкультурное взаимодействие идет и по оси настоящего времени, и по оси «прошлое – будущее». Единство традиций и обновления – универсальная характеристика любой культуры.

В общей череде инновационных процессов в культуре культурная революция занимает особое место, ибо она отличается от других инноваций своими масштабами и последствиями. Культурную революцию 1990-х гг. отличает от других культурных революций, имевших место в отечественной истории, стремительный характер протекания. Реформы 1990-х гг. фундировали полную замену социально-политического строя и социально-экономического уклада страны. Поэтому этот тип революции следует назвать социально-культурной, или социокультурной. Самым разрушительным ее последствием была потеря идентичности, которая охватывала всю сферу социально-культурных отношений. Даже революционные бури 1917 г. не привели к такой потере. Основная проблема, порожденная идентификационным кризисом, заключается в том, что в ходе стремительных преобразований общества и экономики в самом начале 1990-х гг. были разорваны коммуникации между социальными слоями и стратами. Социокультурные локусы, появившиеся на развалинах советского государства, начали развиваться изолированно друг от друга. И, как следствие, нарушился механизм социальных эстафет, позволяющий транслировать духовные ценности как по вертикали (из прошлого в будущее), так и по горизонтали (между общественными слоями и стратами).

Существенной для наших целей характеристикой политики является то обстоятельство, что политика возникает там, где существует борьба за власть, где она, опираясь на государственные институты, служит утверждению норм и ценностей данного общества. Поэтому наиболее приемлемым для нас является следующее общепринятое определение: политика – это сфера деятельности, связанная с отношениями между социальными группами, сутью которой является определение форм, задач и содержания деятельности государства. Субъектами политики могут быть как государство, так и определенные общественные силы (социальные

слои, общественные организации, социальные и культурные институты). Когда речь идет о культурной политике государства, или государственной культурной политике, то, прежде всего, обсуждаются формы, задачи и содержание деятельности государства в сфере культуры. В такой деятельности можно выделить, по крайней мере, три магистральных направления:

- финансово-экономические отношения между государством и институтами культуры;
- сохранение накопленного культурного потенциала, обеспечение преемственности культурных традиций, поддержка разнообразия всей художественной жизни страны;
- восстановление и поддержание механизма трансляции духовных ценностей.

Дискуссии о путях развития российской культуры охватывают все три направления. Но если первые два направления обсуждаются в большинстве случаев действительно в контексте проблем культурной политики, то третье направление почему-то оказалась, как правило, закрепленным за институтом образования, в то время как без институтов культуры механизм трансляции духовных ценностей функционировать не будет.

Резкая смена идеологических установок происходила в стране в начале и конце XX в. Это означает, что механизм трансляции духовных ценностей в рамках российского государства в течение XX столетия нарушался дважды. До революции 1917 г. представители российской культуры, российская интеллигенция, российское общество формировали систему ценностей и ценностных ориентаций для передачи их в систему образования и последующей трансляции будущим поколениям. После Октябрьской революции 1917 г. формированием упомянутой системы ценностей, в основном, занялось государство. Однако на переломе эпох, в самом конце 1980-х – начале 1990-х гг., ни общество, ни государство уже не формировали системы ценностей и ценностных ориентаций, хотя и участвовали в этом процессе. На авансцене появились новые субъекты культурной политики.

Основные методологические подходы и принципы изучения института культуры учитывают его системную природу и системную организацию. Выбор методологии, объединяющей метод культурологического исследования В.М. Розина и учение о социальных куматоидах М.А. Розова (в рамках теории социальных эстафет), обусловлен разрывами, существующими в истории России. Культурологический метод В.М. Розина [1, с. 12–15] позволяет анализировать культуру каждого из этих исторических периодов с единых позиций, а учение о социальных куматоидах М.А. Розова [2, с. 8–11] способствует поиску социокультурных констант – инвариантов, как их называет сам М.А. Розов, – фундирующих основные тенденции социокультурного развития.

В истории России с древнейших времен до наших дней можно выделить, по крайней мере, пять исторических периодов, когда российская культура переживала процессы, по своим масштабам и признакам совпадающие с модернизацией: христианизация Руси; татаро-монгольское иго; реформы Петра I; XIX век, особенно вторая его половина; 1990-е гг. XX столетия.

Вводя и укрепляя христианство, Владимир I Красное Солнышко понял необходимость привить русскому человеку также и гражданскую культуру греков, перенять их образованность и знания. Таким образом, государство становится субъектом культурной политики, начиная с акта крещения Руси в 988 г., и запускается механизм социальных эстафет – начинают формироваться основные каналы проникновения византийской культуры в культурную ткань Древней Руси: идеология, принявшая форму христианской религии; искусство; образование. «Проникает» это не значит «поглощает». Русь не просто копировала чужую культуру, но и творчески преобразовывала ее в соответствии со своими представлениями, традициями и вкусами, делая ее самобытной и неповторимой. Главным каналом влияния византийской культуры на русскую была Церковь. Православная культура, сохраняющая византийские корни, составляет основу этнонациональной культуры русского народа. В то же время православная религиозная традиция способствовала консервации отдельных следов византийской культуры в идеологии и искусстве российского государства.

При татаро-монгольском завоевании также наблюдается процесс взаимодействия двух культур. Вхождение новых культурных образцов и паттернов поведения в новую этносреду не приводило к разрушению старой культуры, а помогало сохранить и охранить культурные образцы, паттерны и ценности обеих, участвующих в процессе модернизации культур. Охранителем русской культуры в период татаро-монгольского ига была Церковь. Несмотря на дискуссионность, факт значительного взаимовлияния культур народов, почти три века проживавших в тесном политическом, социальном и демографическом контактах, является неоспоримым.

В период татаро-монгольского нашествия русские княжества оставались политически автономными, сохраняли местную княжескую администрацию, деятельность которой контролировалась постоянными или регулярно приезжавшими представителями ордынцев. Русские князья считались данниками ордынских ханов, но в определенных случаях оставались официально признанными правителями своих земель. Однако русская Церковь была освобождена от уплаты дани. И поскольку единого русского государства как такового в этот период не существовало, то в период татаро-монгольского ига на Руси появляется новый субъект культурной политики – Русская Православная Церковь.

Государство вновь становится активным субъектом культурной политики в период петровских реформ. Нововведения делались и до Петра I. Но только он придал им невиданный размах, небывалые темпы, круто повернул к Западу. Преобразования Петра коснулись всех сфер общественной жизни. По его приказу за границей закупались книги, приборы, оружие, приглашались иностранные мастера и ученые. При Петре появилась светская школа и была ликвидирована монополия духовенства на образование. Именно при Петре российская культура начинает приобретать явные гибридные признаки, а русская культура начинает становиться государственной культурой.

Некоторые исследователи отмечают, что модернизация России, начавшаяся в эпоху Петра I, дала первые ощутимые результаты лишь к началу XIX в. [3]. В первой половине XIX в. начинается промышленный переворот, позволивший стране достаточно быстро перейти к промышленному производству, разрушавшему вековой уклад. Завершение промышленного переворота в России относится к концу 70-х – началу 80-х гг. XIX в. Российское государство по-прежнему остается субъектом культурной политики, но активно действует через своего агента – Русскую Православную Церковь.

С началом промышленного переворота в России начинает формироваться еще один субъект культурной политики – общественность и интеллигенция, которая не была однородной. В середине XIX в. в структуре данного субъекта уже легко выделяются два самостоятельных крыла: консервативное дворянство, поддерживающее правительство во всех его культурно-образовательных начинаниях, и разночинная интеллигенция.

1990-е гг. – это годы социально-политических и социально-экономических реформ, когда страна стремительно переходила от социалистического общества к обществу с рыночными отношениями. До начала перемен общество, объединявшее народы с разными социокультурными и даже цивилизационными традициями, являло собой некую целостность, скрепленную единой государственностью, общностью социально-экономического строя и доминировавшей в общественном сознании социалистической идеологией. Открытие границ социокультурного пространства России стимулировало рост возможностей культурного выбора. В новой России 1990-х гг. субъектами культурной политики становятся:

- государство;
- Русская Православная Церковь;
- представители официальной российской гуманитарной культуры;
- представители многочисленных субкультурных объединений, существующих параллельно, а в отдельных случаях – противостоящих официальной российской гуманитарной культуре.

Российская культура на протяжении всех веков своей истории отражает сложный и противоречивый, полный взлетов и падений процесс смешения, переплетения и противостояния различных, а порой – и взаимоисключающих, культурных ориентаций. И все же, несмотря на противостояние, российская, а следовательно, и русская культура в ходе ее модернизации приобретала самобытные черты и переходила в новое качество, детерминирующее гибридную культурную идентичность. Этот тип идентичности формировался под воздействием двух диаметрально противоположных тенденций: социокультурного раскола и социокультурной интеграции. Следовательно, онтологический фундамент российского типа гибридной идентичности составляют следующие бинарные оппозиции: «противоборство – единение», «традиция – обновление».

Термин «гибридная идентичность» осваивается в литературоведении уже больше двух десятков лет. Как замечает Е.М. Бутенина, явление гибридной идентичности является одним из самых сложных и интересных явлений современной мультикультурной ситуации [4, с. 3]. Осмыслению данного феномена на Западе посвящены многие литературоведческие исследования последних десятилетий. Достаточно многочисленные примеры изучения или описания гибридной идентичности без использования данного термина или его аналогов можно найти и в российской литературе и российском искусстве. Характеризуя особенности гибридной идентичности, Е.М. Бутенина отмечает, что ей свойственна некая фрагментарность.

Наиболее ощутимо эти свойства гибридной идентичности репрезентируются на окраинах современной России. Так, анализируя антропо-культурное своеобразие русского менталитета в Сахалинском анклав, А.А. Еромасова обращает внимание на тот факт, что «полиэтническое, межконфессиональное общение не могло не отразиться на системе нравственных и религиозных ценностей, которая в первую очередь обеспечивает отсутствие этнической напряженности в Сахалинской области, диалог культур, но в то же время ассимилятивные процессы народов, ее населяющих» [5, с. 36]. Не употребляя в своем исследовании термина «гибридная идентичность», А.А. Еромасова, по сути, анализирует именно социокультурный процесс формирования гибридной идентичности как у коренных народов анклава, так и у пришлого населения (русских, украинцев, белорусов и т.д.). При этом гибридная идентичность не разъединяла, а объединяла народы, населяющие анклав.

Если отвлечься от психологического контекста литературоведческой интерпретации, то основной характеристикой гибридной культурной идентичности как индивидуальной, так и коллективной является фрагментарность, включенность фрагментов разных культур и паттернов поведения в культуру и жизнедеятельность носителей идентичности. Гибридная идентичность – это некий механизм, позволяющий не только осуществлять различение этносоциальной системы от внешней социокультурной среды, но и включать эту же систему в ту самую внешнюю среду или переходить в другую этносоциальную систему. Тем самым в обязательном порядке гибридная идентичность эксплицируется двумя своими компонентами:

- принадлежностью индивида к конкретному социокультурному ареалу;
- принадлежностью индивида к социокультурной общности, обладающей свойством интеграции социокультурных ареалов.

В 1990-е гг. потеря идентичности и фундируемый ею кризис культуры в постсоветском обществе непосредственно связывается со стремительным распространением на постсоветском пространстве массовой культуры западного происхождения. Без широкого использования технических возможностей современных средств массовой коммуникации и массовой информации широкое проникновение массовой культуры такого типа в ткань иной культуры попросту невозможно. Это означает, что в структуре исторически сложившейся в российском государстве гибридной культурной идентичности произошла замена одной компоненты («принадлежность индивида к социокультурной общности, обладающей свойством интеграции социокультурных ареалов») на другую: распространение массовой культуры, детерминированной процессами глобализации.

На протяжении всего периода становления российской истории другие народы, входящие в состав российского государства, не ассимилировались, не утратили своего языка, культуры и национального самосознания, а образовали собственные социокультурные ареалы в границах российской цивилизации. Вместе с тем в истории Российского государства русский народ был не только носителем определенных культурных образцов, но и задавал вектор социокультурной глобализации в границах российской цивилизации. Данный процесс наблюдается и в настоящее время. Так, по данным Всероссийской переписи населения 2010 г. 5,7 % нерусского населения страны указали, что их родным языком является русский язык [6]. При этом речь идет не о господствующем языке как о культурном трансляторе, а о языке, позволяющем реализовать возможность адекватного перевода инокультурных ценностей без утраты ими своего ценностного потенциала. Именно эту функцию и выполняет русский язык.

Процессы межэтнического взаимодействия, протекающие на уровне формирования гибридной идентичности, подчиняются тем же самым закономерностям. Пренебрежение или недооценка в культурной политике хотя бы одной из составляющих способно не только привести к конфликту идентичностей, но и препятствовать развитию устойчивой коллективной идентичности (общекультурной, государственной, общенациональной, гражданской и т.д.).

#### **Ссылки:**

1. Розин В.М. Введение в культурологию. М., 1994.
2. Розов М.А. Феномен социальных эстафет: сб. статей. Смоленск, 2003.
3. См.: Вишневецкий А. Кризис русской соборности и консервативная модернизация в СССР // Материалы Независимого теоретического семинара «Социокультурная методология анализа российского общества» / руков. А.С. Ахиезер; ред.-сост. Е.В. Туркатенко. URL: <http://scd.centro.ru/index.html> (дата обращения: 12.09.2005).
4. Бутенина Е.М. Под знаком ветра и воды: проблема гибридной идентичности в китайско-американской литературе: монография. Владивосток, 2007.
5. Еромасова А.А. Русский менталитет: антропо-культурное своеобразие (на материалах Дальнего Востока): автореф. дис. ... доктора филос. наук. Санкт-Петербург, 2011.
6. Суринов А.Е. Об итогах Всероссийской переписи населения 2010 года // Портал «Всероссийская перепись населения 2010 года». URL: <http://www.perepis-2010.ru/> (дата обращения: 25.12.2011).

#### **References (transliterated):**

1. Rozin V.M. Vvedenie v kul'turologiyu. M., 1994.
2. Rozov M.A. Fenomen sotsial'nykh estafet: sb. statey. Smolensk, 2003.
3. See: Vishnevskiy A. Krizis russkoy sobornosti i konservativnaya modernizatsiya v SSSR // Materialy Nezavisimogo teoreticheskogo seminaru «Sotsiokul'turnaya metodologiya analiza rossiyskogo obshchestva» / head A.S. Akhiezer; ed.-comp. E.V. Turkatenko. URL: <http://scd.centro.ru/index.html> (date of access: 12.09.2005).
4. Butenina E.M. Pod znakom vetra i vody: problema gibridnoy identichnosti v kitaysko-amerikanskoy literature: monografiya. Vladivostok, 2007.
5. Eromasova A.A. Russkiy mentalitet: antropo-kul'turnoe svoeobrazie (na materialakh Dal'nego Vostoka): avtoref. dis. ... doktora filoz. nauk. Sankt-Peterburg, 2011.
6. Surinov A.E. Ob itogakh Vserossiyskoy perepisi naseleniya 2010 goda // Portal «Vserossiyskaya perepis' naseleniya 2010 goda». URL: <http://www.perepis-2010.ru/> (date of access: 25.12.2011).